

СОЗВЕЗДИЕ МУЗ

СОТВОРЕНИЕ ОБРАЗА

ЕГО ТАНЕЦ — увлекательная, напряженная погоня за неуловимой красотой искусства, бесконечное стремление к идеалу», — так написал один проникательный критик о совсем еще тогда молодом артисте комсомольце Михаиле Барышникове. Блестящий, виртуозный, мажорный танец этого талантливого юноши знаком любителям балета далеко за пределами Ленинграда. В свои 25 лет он успел многое: создать яркие роли в спектаклях Театра оперы и балета имени Кирова, получить ряд больших наград: золотые медали на конкурсах балета в Варне и Москве, парижскую премию имени Вацлава Нижинского. Великое множество друзей зовут его Мишей, но Михаил Николаевич — член художественного совета театра, только что ему присвоено звание заслуженного артиста республики.

— В 1969 году вы стали обладателем золотой медали первого конкурса артистов балета в Москве. Что творчески принесли вам конкурсы?

— Счастливой случайностью для меня явилось то, что руководство театра пригласило поставить необходимую для конкурса современную хореографическую миниатюру известного специалиста в этом жанре Леонида Вениаминовича Якобсона. Его предложение создать номер «Вестрис», воскресающий образ легендарного танцовщика, явилось для меня неожиданностью. Однако с первых репетиций дело пошло на лад. Времени до конкурса оставалось мало, но когда Якобсон чего-то хочет, то он и может. Для любого танцовщика или балерины встреча с Леонидом Вениаминовичем запоминается на всю жизнь. Ведь он ставит не просто концертный номер, он ставит его на индивидуальность артиста. Я безоговорочно доверяю вкусу Якобсона. Он раскрыл во мне хореографически то, что самому было неясно.

— За шесть лет работы в Театре имени Кирова вами создан ряд ролей в спектаклях классического и современного репертуара. Какие из них стали вехами на вашем творческом пути?

— Наверное, Адам в балете Андрея Петрова «Сотворение мира». Ведь это был не ввод в уже готовый спектакль, а первая серьезная работа над новым произведением. Работа «живую» с постановщиками. Сначала я боялся — страшил малый опыт работы с пластическим материалом, который предлагали балетмейстеры Наталья Касаткина и Владимир Васильев. У меня не было естественности. Мне кажется, что роль была не вполне освоена и к премьере. Многие создавались потом, с каждым спектаклем образ менялся. Трудно давались опрятность и плавность перехода от Адама-ребенка к трагедийности последнего акта. Танцевать этот балет мне интересно, но трудно. Каждый спектакль выстраивается как бы заново. Пластика его для меня теперь органична.

А затем был Альберт в «Жизели».

— В связи с ролью Альберта мне хотелось бы задать вам еще один вопрос. Как вы понимаете свой ввод в классический спектакль? Учитываете ли вы сложившиеся традиции исполнения «своей» роли и всего спектакля в целом или стараетесь «прочитать» образ и спектакль, так сказать, «свежим взглядом»?

— Зная этот спектакль, зная многих его исполнителей, я не старался специально оттолкнуться от того, что было. Но каждый артист должен знать свою индивидуальность и попытаться в голове или на бумаге наложить танцевальную основу спектакля «на себя». Мне всегда хотелось танцевать в «Жизели», но я долго не решался даже мысленно представить себя в партии Альберта. Мешало сложившееся представление о ней. Просто повторить Сергеева, Кузнецова или Викулова я бы не сумел, мне казалось, что в их образе, даже в их костюме я был бы смешон. Особенно смущал первый акт. Я не видел себя фатом или соблазнителем. Быть слегка влюбленным, увлечень, чтобы потом раскаяться? Решение и решимость пришли внезапно: Альберт не может не быть искренним в своем чувстве к Жизели. Иного решения для себя я не видел. Видимый «перепад» между актами, по-моему, только внешний — не может изначально дурной человек действительно переродиться. Тема не столько столкновения с социальными предрассудками, сколько моральной ответственности за свою любовь.

Польский режиссер Адам Ханушкевич говорил как-то, что «Гамлета» надо ставить каждые три-четыре года. Потому что время откладывает отпечаток на исполнителей. Думаю, что с «Жизелью» происходит то же самое.

— Вы участвовали в гастрольных ленинградского балета в Англии, Японии, Испании, Австралии, недавно

вернулись из Болгарии. Какие художественные впечатления показались вам наиболее яркими?

— В Испании — фламенко в Барселоне. Я видел этот танец и раньше — в Ленинград его привозили испанские танцевальные коллективы. Но в Барселоне поразила вся атмосфера многочасового представления на небольшой сцене в полутемном кабачке. Танец, перебивы гитары и снова танец. Для меня многое в испанском танце стало понятно. Надеюсь использовать это ощущение в каких-нибудь новых работах.

И еще. Япония. Страна, которой нельзя не увлечься. Восхищает необычайная ее загадочность, даже мифологичность. Хореограф Георгий Алексидзе собирается поставить балет на японскую тему, в котором современно пластически предомыслились бы традиции театра Кабуки. Надеюсь принять участие в этой работе.

— Вы заговорили о будущем. Если не возражаете, продолжим эту тему. Сейчас идет подготовка к вашему творческому вечеру, который намечен на начало 1974 года. Что предполагается включить в его программу? Чем вы руководствовались в своем выборе?

— Проще всего было бы станцевать акт из «Дон-Кихота» или «Тени» из «Баядерки». Однако хочется нового. Сейчас еще трудно сказать, что именно удастся подготовить. Более определенно обстоит дело — начались репетиции — с двумя одноактными балетами: «Влудный сын» Сергея Прокофьева и «Дафнис и Хлоя» Мориса Равеля. Оба были созданы балетмейстером Май Мурдмаа в Таллине и переносятся в наш театр с изменениями, связанными с новыми исполнителями. Почему я предложил эти работы? Во-первых, прекрасная музыка. Во-вторых, Май Мурдмаа, на мой взгляд, одна из немногих балетмейстеров, которые удачно пытаются решать балет чисто хореографическими средствами. Май — очень цельный человек и художник, у нее в спектакле нет случайных движений, и при этом — масса фантазии и изобретательности. Герой «Влудного сына» — не конкретный человек, а символ. Здесь нет места образительности, требуются анализ, самоанализ, обобщение. Таких ролей мне еще не приходилось танцевать. Это сложно и интересно.

Беседу вел
А. ДЕГЕН.

На снимке: Михаил Барышников в роли Альберта.

5 ЯНВ 1974

Молодежь Эстонии
г. Таллин